

как только могла. Он провел с ней ночь и наутро уехал. Через тридцать лет они снова встретились в Париже; г-жа де Сенетерр ужас как изменилась; он поверить не мог, что это она, и опасался, как бы люди не усомнились в том, что эта женщина когда-то была совсем не дурна собою.

Излишне упоминать, что красивая внешность Бельгарда весьма помогла ему преуспеть, снискав внимание Генриха III. Известно, как ответил один из тогдашних придворных, когда его попрекнули, что он не продвигается при Дворе, как Бельгард: «Эка невидаль! — сказал он. — Ему о продвижении и думать не надобно; его достаточно подталкивают сзади». У Бельгарда был красивый голос, и он хорошо пел, но основным занятием своим пел так и не сделал, забросив его довольно рано.

Не было человека более чистоплотного; столь же чистоплотным он был даже в выборе слов.

Однажды, когда последний кардинал де Гиз, архиепископ Реймский, приехал весь в завязках* на обед к г-ну де Бельгарду, паж Ивранд шепнул на ухо г-ну Главному (так называли г-на де Бельгарда) следующее четверостишие:

Есть слух, что в давние года
Скромней прелаты наши ждали:
Молясь, в пажи тогда
Подстилкою им не служили.

Как-то, когда г-на де Бельгарда ждали в Нанси, куда он должен был отправиться от имени Короля, некий государственный советник герцога Лотарингского возвращался из небольшой поездки в девять часов вечера. Он подъезжает к городским воротам, дабы посмотреть, открыты ли ему, и говорит: «Едет г-н Ле-Гран».¹ Его приймают за г-на де Бельгарда. Раздаются звуки барабанов и труб, появляется множество факелов; люди спрашивают: «Где же господин Главный?». — «Вот он», — отвечают слуги. Ему передают приглашение Герцога пожаловать во дворец. Советник отправляется туда, весьма удивленный такими почестями, ибо знает, что в этот час никому ворот не открывают. Герцог спрашивает его: «Где же господин Главный?». — «Да это я, монсеньер. Меня зовут Ле Гран». — «Вы самый главный дурак», — сказал ему Герцог и вышел, сильно разгневанный оплошностью своей челяди.

Несмотря на большую чистоплотность г-на де Бельгарда, о которой мы уже говорили, у него лет с тридцати пяти стало течь из носа; со временем это недомогание усилилось. Это весьма коробило покойного короля Людовика XIII, который, однако, не отваживался сказать что-либо Бельгарду, ибо тот пользовался известным уважением. Король велел г-ну де Бассомпьеру побеседовать с ним. Но г-н де Бассомпьер отговорился. «Государь, — сказал он, — в первый же раз, как появится г-н де Бельгард, прикажите всем высморкаться». Король так и сделал, по г-н де Бель-

* Он умер, перестав причесываться.